

МОЙ ОТЕЦ И РЕЧКА ЧЕРНАЯ

(воспоминания дочери о некоторых эпизодах жизни своего отца)

Моему отцу, Белеванцеву Михаилу Матвеевичу, участнику боевых действий Великой Отечественной Войны, 5 ноября 2013 года – 100летний юбилей со дня рождения, но, к большому сожалению 6 марта 1985 года от ишемической болезни сердца, мой отец навсегда ушел из жизни.

Все родные и близкие помнят Михаила Матвеевича, как доброго, хлебосольного, дружелюбного, честного и очень скромного человека – трудягу. Но только я, как дочь, замечала, что мой отец, о чем-то постоянно думал, молчал и уединялся, в грозу мог сидеть у открытого окна, о чем-то не договаривал, часто не спал по ночам или принимал чарку водки и много курил. Я понимала, что какие-то события жизни, моего отца, не давали ему покоя, но в душу не лезла и лишних вопросов не задавала. Я думала – это связано с войной, но оказалось, что в жизни моего отца были неизвестные мне события, о которых никто и никогда не рассказывал.

В нашей семье, было не принято вспоминать или говорить о прошлой жизни старшей семьи Белеванцевых. Из скудных рассказов моей бабушки Василисы Ивановны – матери моего отца – его сестер Анны и Дарьи и самого отца мне многое известно о жизни семьи Белеванцевых, но конечно только то, о чем они хотели рассказать.

Мой отец родился на хуторе Речка Черная, Аленского сельского совета Клетнянского района, в крестьянской семье Белеванцевых: отец Матвей Федорович (уроженец д. Алень), мать Василиса Ивановна (в девичестве Семернева, уроженка д. Алень). Одно время, молодая семья родителей, моего отца, проживала в д. Алень.

В годы столыпинской аграрной реформы крестьянского наделного земледелия в России, крестьянам разрешалось выходить из крестьянских общин на хутора (закон 1906г.). Молодая семья Белеванцева Матвея получила разрешение и ей было выделено 20 десятин земли, по которой протекала речка Черная. Так и возникло хуторское подворье с названием Речка Черная, где проживала семья Белеванцевых, занимаясь крестьянским натуральным хозяйством, обеспечивая себя всем необходимым для жизни того времени.

О своем детстве на хуторе и о своих мечтах отец всегда рассказывал в подробностях. В лаптях, в домотканой одежде с холщевой котомкой за плечами, как и все деревенские мальчишки, ходил в школу. Учился в общеобразовательной школе крестьянской молодежи. С раннего возраста был приучен к крестьянскому труду, но в детстве мечтал стать лесником или лекарем птиц и зверей. Мог пойти в лес, долго бродить и выйти из леса все той же тропинкой, а если находил беспомощных зверей или птиц, приносил их домой, лечил и отпускал. Отец никогда не ходил на охоту, но очень любил рыбалку, без рыбы и раков не возвращался. Больше всего на свете любил лошадей. Ухаживал и выгуливал, а если разрешали, скакал, как вихрь на своем любимом жеребце Орлике.

Отец рассказывал и о своих друзьях – мальчишках, они же родственники двоюродные, троюродные: Ломаковы, Демченковы, Зайцевы, Белеванцевы, Семерневы приходили на хутор из пос. Бабенка, Алени и он к ним ходил. Когда моему отцу было лет семь, он с таким же по возрасту другом стащили у деда Федора табак, залезли на сеновал и учились курить, дед заметил дым, отделал так хворостиной, что они чуть не забыли, как их зовут.

Но проделки продолжались, рассказывал отец. Было время сенокоса и на подворье никого не было, он с двумя друзьями решили покрасить дегтем стенку сарая. Сделали самодельную кисть, тряпку привязали к длинной палке и красили куда доставали. Так понравилось, что кроме стены покрасили плетень и половину ворот, а сами сбежали в Алень. В

семье думали, что кто-то им навредил. Потом отец все-таки признался, да и друзья своим родителями рассказали, но его отец сказал, что под горячую руку не попал, значит, жить будешь, и отхлестал моего отца вожжами.

А еще отец рассказывал, что когда ему было лет 10, он со своим отцом ездил в гости к дяде в Москву. После этой поездки уже захотел стать машинистом паровоза, заработать деньги и купить аккордеон. А вообще хотел уехать учиться в Москву.

Знаю, что у отца и двух его сестер Анны и Дарьи был абсолютный музыкальный слух. Они подбирали мелодии, играли на любых музыкальных инструментах, которые были им доступны. Но ни одной мечте моего отца не суждено было сбыться. Как говорят, не судьба!

К 1925 году, три старших сестры: Серафима, Надежда и Анна вышли замуж, и ушли жить в семьи своих мужей, а мой отец, которому в ту пору было лет 14-16, должен был помогать семье по хозяйству.

Но наступил 1930 год, семья Белеванцева Матвея Федоровича была объявлена кулацкой и подверглась раскулачиванию. Все имущество конфисковано. А летом 1931 года, семья навсегда покинула хутор Речка Черная. Конечно, я еще при жизни отца, пыталась восстановить неизвестные мне события его жизни после 1931 года, о которых он сам и его родственники так упорно от меня умалчивали. Только лет 12 назад мною получены копии документов из архива ФСБ России по Брянской области

Из представленных мне копий документов, я поняла, что раскулачивание учитывалось, сколько земли имела семья, и каким было ее хозяйство до революции 1917 года и после революции

После раскулачивания семья Белеванцевых не покинула хутор Речка Черная, а была выселена с хутора. В 1931 году Белеванцев Матвей Федорович (мой дедушка) был арестован по обвинению в преступлении предусмотренной статьей 58 п. 10 УК РСФСР (за антисоветскую деятельность и агитацию). Заседание Тройки ПП ОГПУ по Западной обл. (ныне Брянской обл.) от 31 июля 1931 г. постановили: Белеванцева М.Ф сослать в Севкрай сроком на 5 лет, вместе с семьей: жена Василиса Ивановна – 52 года, сын Михаил – 17 лет (это мой отец) и дочь Дарья – 13 лет. В список так же была включена и больная старенькая бабушка и умерший к тому времени дедушка моего отца.

Семья отбывала наказание в Архангельской обл., работала на лесоповале, проживала в поселении таких же сосланных семей. В 1934 году ослепшую мать моего отца привезла ее дочь Дарья. Вместе с больной бабушкой (ее оставили в деревне как не трудоспособную) они поселились у родственников в п. Бабенка. В 1935 году вернулся мой отец, успел познакомиться с красивой, стройной девушкой Полиной Жинжиковой (моей мамой), которая проживала в Клетне. После возвращения с поселения мой отец, тоже проживавший в Клетне у своей старшей сестры Надежды. Было три свидания и моего отца забрали в Красную Армию.

В 1936 году вернулся и дедушка Матвей Федорович. Устроился на работу плотником в колхоз, а в 1937 году вновь был арестован РО УНКВД по обвинению в преступлении предусмотренной ст. 58 п. 10-11 УК РСФСР и заседание Тройки УГБ УНКВД Западной обл. постановили: Белеванцева Матвея Федоровича заключить в ИТЛ сроком на 8 лет. Но в 1938 году в тюремном лагере (г.Котлос, Коми АССР) при неизвестных обстоятельствах и по неизвестной причине, Белеванцев Матвей Федорович умер.

Знал ли о смерти своего отца мой отец, мне неизвестно. Но теперь я знаю: сын кулака, да и еще врага народа, как черная метка переплелась с Черной Речкой и сопровождала моего отца, как на войне, так и по всей его жизни. Это то, о чем не рассказал мне мой отец и о чем так часто наедине вспоминал.

Пережив на поселении голод, холод, знал, что его отец второй раз арестован и отбывал наказание в ИТЛ, что больная и ослепшая его мать и младшая сестренка скитаются по чужим углам, а дедушка и бабушка умерли, мой отец честно и мужественно воевал с 1941 года. На Центральном, Западном, 1-ым Украинском фронтах. Оборона Москвы, Курская дуга, освобождение Киева, Днепровская переправа и так до конца войны. Был тяжело ранен и контужен. За проявленное мужество и самоотверженность награжден Правительственными наградами. Двумя орденами «Красная звезда», медалями «За оборону Москвы», «За боевые заслуги», «За победу над Германией» и др. (все награды сданы в Клетнянский музей).

Встретило моего отца с войны печальное известие. Две старшие сестры моего отца, которые проживали в Клетне, Серафима Мотина и Надежда Галицкая со своими мужьями Сергеем и Афанасием за помощь партизанам были расстреляны. Двое детей Мотиных: Надежда – 16 лет и Павел – 14 лет были угнаны в Германию, двоих маленьких девочек – Таню и Нину опекали родственники. Двое детей Галицких: Мишу и Сашу, также взяли под опеку родственники, но они побывали и в детском доме.

Все трагические события в жизни моего отца с ним разделила его любимая и любящая жена, и друг – моя мама Полина. Мужем и женой мои родители стали перед войной, после 3 свиданий в 1935 году и романтических отношений в письмах из Армии моего отца к моей маме. Всю войну моя мама ждала своего Мишу и дождалась, красивого, сероглазого старшину с орденами и медалями на его груди.

Как только, в 1945 году, мой отец вернулся с войны, устремился на работу шофером в коммунальную службу Клетнянского поселкового совета. Получил ссуду на строительство дома, так как дом (моего дедушки Жинжикова М.Д., отца моей мамы), в котором собирались жить мои родители, во время войны сгорел. На пепелище старого дома мои родители к моему рождению (к 1 мая 1947 года) построили новый небольшой, всего 33 кв. м общей площади. В нашем доме проживали: слепая мать и сестра моего отца, брат с женой и мачеха моей мамы. Все жили одной дружной семьей. Отец, его сестра и брат моей мамы с женой работали. Моя мама (раньше работала поваром) стала домохозяйкой, ведь на руках была я, да две мои бабушки, а еще и хозяйство.

Моего отца я видела только поздним вечером и очень уставшего. Хоть как-то побыть со мной, летом, иногда мой отец брал меня в поездки. Я видела, как большая старая грузовая машина да еще с прицепом и большим грузом (сено, бревна) просто ползла по проселочному бездорожью, пробуксовывая в размытой колее, а мой отец рукавом вытирал пот со лба. Тогда я стала понимать, почему мой отец приходил с работы и сразу ложился, видимо не только уставал, а еще и ранение напоминало о себе.

Когда мне удавалось с отцом сходить в лес, помню, как отец показывал следы зверей, рассказывал, какая птица нам пела, какие грибы можно собирать, а какими травами можно лечиться.

Зимой мы с отцом лепим большую снежную бабу, которая стояла у нас во дворе до самой весны. На Новый Год в доме всегда была большая елка, которую приносил отец, а мы с мамой ее украшали. На праздники мама пекла много пирогов, и вся наша большая семья собиралась за столом, на котором стоял самовар. Мой отец и его сестра Дарья (моя крестная мать) по очереди играли на баяне и все пели. К нам часто приезжала из п. Сородинец и сестра моего отца Анна с мужем Дмитрием (мой крестный отец), приезжали их дети Юра, Галя и Таня. Мы тоже всей семьей ездили к ним в гости.

Вернулись домой и угнанные в Германию (после расстрела их родителей) дети семьи Мотиных: Павел и Надежда. Когда она вышла замуж, вместе с мужем увезла младших сестер

Нину, Таню и брата Павла в Донбасс. Дети Галицких Саша и Миша проживали у сестры моего отца Анны в Смородинце. Она их провожала в Армию.

В нашей семье как-то устанавливалась жизнь без слез моей бабушки, матери моего отца, которая больше всех переживала за внуков, оставшихся сиротами. Ее всегда успокаивала церковь, поэтому каждую субботу, воскресенье или в церковные праздники я со своей троюродной сестренкой, такого же возраста (лет 5-6) Жинжиковой Людой водили ее в церковь (находилась рядом с вокзалом) там ожидали и приводили обратно. Бабушка нам была благодарна и всегда рассказывала старинные сказки.

Наша семья постепенно уменьшалась. Мой отец выдал замуж свою младшую сестру Дарью и от работы ей предоставили комнату. Получил квартиру и брат моей мамы с женой и со своей матерью мачехой моей мамы переехали от нас.

Но одни мы никогда не жили, мой отец всегда кому-то из своих или маминых родственников разрешал у нас пожить. Всегда к моему отцу приезжали, то однополчане, то сослуживцы по Армии (которые остались живы на войне). Кроме основной работы шофером моего отца в коммунальной службе задествовали и с геодезистами (где установить скважины для воды, где установить колонки, в каком месте копать колодец). Часто к отцу с какими-то чертежами приходил местный архитектор, и они о чем-то долго беседовали. Я всегда знала, что мой отец мог сделать все, о чем кто-либо его просил: соседи, родственники, друзья и даже дети. И никогда никому не отказывал.

Я очень любила своих родителей, а особенно отца, наверное, еще потому, что он меня всегда баловал. Именем Аля меня назвал мой отец, да и похожа я на отца. Моя мама всегда мне говорила, что с самого моего рождения у меня с отцом была взаимная любовь.

Жизнь шла своим чередом. Отец работал, мама занималась домашним хозяйством, я уже училась в школе, к бабушке приходили старушки-соседки.

Но в нашу семью пришла беда. У моей мамы начались сердечные приступы. Медицина ни в Клетне, ни в Брянске помочь не могла. Отец добился направления в клинику (г. Киев), к академику Амосову А.М. Моей маме там предложили операцию, но не гарантировали жизнь. Мама отказалась. В нашем доме теперь было двое больных, да еще заболел брат моей мамы, Владимир (он уже жил отдельно).

Отец очень переживал, приходил с работы уставшим, да еще занимался хозяйственными делами. От меня помощь отцу была небольшая. Я только могла чем-то помочь маме и бабушке.

Время шло. Маму, бабушку и брата моей мамы лечили. Но как могла лечить медицина того времени?

В 1961 году 18 февраля в возрасте 80 лет умерла мать моего отца, моя бабушка, 17 марта 1962 г. в возрасте 37 лет умер младший брат моей мамы, а 7 июня 1963 года в возрасте 46 лет умерла моя мама. Три смерти любимых людей за три года. Мой отец чуть не обезумел, поседел и стал выпивать, но ему было всего 49 лет, мне 16, я училась еще в школе.

Мне пришлось отца вызвать на откровенный разговор. Я очень боялась, что с ним может что-то случиться. Я сказала отцу, чтобы он нашел себе достойную женщину и даже женился, ведь он еще молодой мужчина. Мой отец очень хотел, чтобы я после школы поступала в институт, значит – должна уехать. Я чувствовала, мой отец не справится с одиночеством. Однажды друзья моего отца познакомили его с одинокой женщиной. Жила на квартире, дважды была замужем, детей не было, на 2 года моложе моего отца. Через какое-то время отец меня с ней познакомил. Я отцу сказала, что мою маму мне никто не заменит, а если понравилась женщина – женись.

Мой отец и Кристина Дмитриевна поженились. С отцом и мачехой я жила около двух лет. Мои отношения с мачехой были ровными, особой любви у нас друг к другу не было. Окончив 11 классов школы в 1965 году, я уехала из дома. Когда я еще жила с отцом и мачехой, поняла, что помощи из дома мне никакой не будет. Моя мачеха как-то властно действовала на моего отца. Поэтому я училась и одновременно работала преподавателем и инспектором Управления кадров и учебных заведений Центросоюза России.

Однажды мы с отцом гуляли по нашему саду, который мы вместе сажали, и отец задал, как мне казалось, странный вопрос. О чем я писала в своей биографии, когда устраивалась на работу, ведь там нужно указывать все о родственниках. Я сказала, что предоставила сведения о нем, как об участнике Великой Отечественной Войны, а о дедушках, бабушках, что давно умерли и о них мне ничего не известно. Теперь я понимаю, мой отец тревожился, что события на хуторе Речка Черная могут как-то отразиться и в моей жизни.

Мы с отцом даже на расстоянии друг о друге все знали: переписывались, перезванивались. В каждый свой очередной отпуск я приезжала к отцу до замужества одна, потом всегда с мужем Володей. Мой муж нравился моему отцу и мачехе, которая хвасталась зятем перед своими родственниками. Мой отец проникся к зятю отцовской любовью, а Володя, как психолог, всегда находил темы для разговора. Они подолгу беседовали, отец Володю чему-то обучал, если друг другу рассказывали анекдоты или смешные истории, заразительно смеялись. Я была очень счастлива за отца, ведь он так редко смеялся. Когда он нас провожал, я всегда видела, как его глаза блестели слезами, и у меня сжималось сердце.

Лето, 1984 год и мы с мужем в очередной отпуск поехали к моему отцу. Он как всегда встретил нас на вокзале. Хоть он и держался, но я видела, что отец плохо себя чувствует и как-то неумело это скрывает. Тогда у нас был семейный совет, на котором мы предложили отцу вообще переехать жить к нам. Рядом поликлиника, аптека. Все члены моей семьи пользовались как ведомственной поликлиникой, так и больницей. Говорили, что отцу нужно поддержать свое здоровье. Да, уже трудно топить печку, носить воду, проблемы с туалетом. Даже моя мачеха согласилась с переездом, но как говорят, ответил, как отрезал. Отец очень жестко сказал, что его лекарство – это свобода и природа, если согласилась, пусть к вам отправляется Кристина Дмитриевна, а мне и здесь хорошо.

В общем, весь наш отпуск отец ни разу не показал себя слабым и больным. С Володей менял изгородь, ходил вместе с нами, стоял в очереди за хлебом. Мы с мужем и моим племянником Сережей ходили за грибами, а отец на костре варил свой фирменный суп с гречкой. Но я понимала, что моего отца беспокоит сердце и просила его обратиться к врачу. Отпуск закончился, и мы с мужем уехали. Но на душе было не спокойно.

Мы как обычно общались: письма, переговоры (почта рядом). Но месяцев через шесть мне на работу позвонила мачеха и сказала, что отец чувствует себя плохо и просил приехать. Мы с мужем взяли отгул на работе и в этот же день поехали к отцу.

Было 6 марта 1985 года, нас отец не встретил на вокзале, а, нарядившись в новую сорочку, которую я ему подарила, выбритый, сидел у окна в ожидании встречи. Мачеха накрыла на стол, мы пообедали. Отец показал, какие и от чего он принимает лекарства, потом прилег отдохнуть ~~Володе~~. Мачеха готовила ужин. Отец ходил по комнате, что-то искал, потом в комнате сел к печке спиной и о чем-то переговаривался с Кристиной Дмитриевной, она была рядом, на кухне. Вдруг замолчал, и послышалось, как будто что-то упало, когда мы подбежали, отец уже был мертв. Смерть наступила мгновенно. Мой отец меня звал и ждал, и как будто знал, что умрет при мне.

Похоронили моего отца 8 марта 1985 года на Клетнянском кладбище, рядом с его мамой Василисой Ивановной и с моей мамой, его первой женой, со всеми почестями и по православному обычаю.

Моя мачеха после смерти моего отца жила в доме одна, но полностью находилась под опекой своей родной племянницы, оставив ей завещание. Последний раз мы с мачехой виделись в 2005 году, она страдала потерей памяти. Умерла Кристина Дмитриевна 29 мая 2007 года. Я очень ей благодарна, что как могла и сколько могла, оберегала моего отца.

Всем нам, в любом нашем возрасте, очень тяжело терять любимых и дорогих нам родных и близких, и в любом их возрасте. Но, как говорится, пока мы живы и они в нашей памяти.

А в речке Черная все-таки вода прозрачна и чиста, как и души всех членов семьи Белеванцевых с хутора Речка Черная, которые уже давно ушли, не только с хутора, но и из жизни, Царство Небесное умершим, так и не узнавшим, что арестованный в 1931 году и сосланный на 5 лет в Севкрай вместе с семьей Белеванцев Матвей Федорович за отсутствием состава преступления 16 августа 1989 года прокуратурой Брянской области реабилитирован и на основании статьи 3 закона Российской Федерации от 18 октября 1991 года «О реабилитации жертв политических репрессий», репрессированный по политическим мотивам в административном порядке Белеванцев Матвей Федорович реабилитирован.

Мой отец всю свою жизнь ждал этого дня, но дождалась я, открыла тайну отца и ее закрыла. Своими наградами за мужество и самоотверженность, проявленную на войне отец, сам не зная, уже давно реабилитировал свою семью.

Светлые, добрые воспоминания о моем дорогом отце я всегда храню в своем сердце - в сердце дочери. Царство Небесное и вечная память моему отцу Михаилу Матвеевичу Белеванцеву.

Алевтина Михеева
(в девичестве Аля Белеванцева)
ноябрь 2013 года